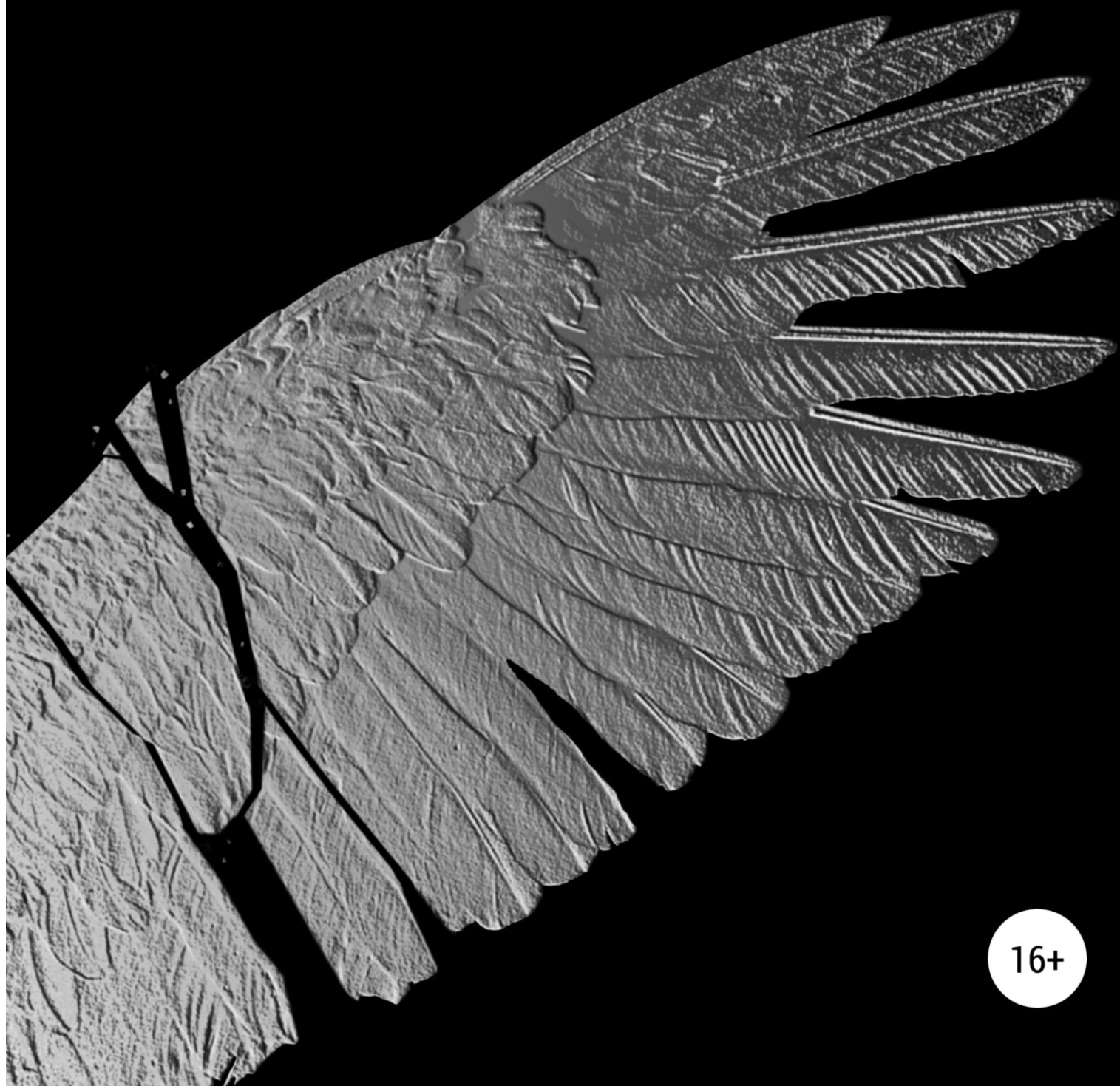

Николай Н. Плетнёв

ПАДШИЙ

16+

Николай Плетнёв

Падший

«Автор»

2019

Плетнёв Н. Н.

Падший / Н. Н. Плетнёв — «Автор», 2019

ISBN 978-5-532-96468-6

Инженер-ремонтник Даллас живёт в небесном городе под огромным куполом. Но он чувствует себя чужим в обществе потребления и мастерит крылья, чтобы покинуть привычную среду. Потерпев крушение, он попадает к людям, которых не должно существовать после глобальной катастрофы. По крайней мере, так ему рассказывали. Два поразительно разных мира – пропасть между дикарями и цивилизацией. Кто разделил людей? Почему одни должны с трудом выживать, а другие купаться в роскоши? Далласу предстоит найти своё место и отыскать путь домой. Изображение для обложки взято с сайта [wikimedia](https://commons.wikimedia.org/) и изменено.

ISBN 978-5-532-96468-6

© Плетнёв Н. Н., 2019

© Автор, 2019

Содержание

Глава 0	5
Глава 1	8
Глава -1	11
Глава 2	14
Глава 3	17
Глава -2	20
Глава 4	24
Глава 5	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Николай Плетнёв

Падший

*Взмахнул Икар руками,
но нет больше на них крыльев.*

Глава 0

Почему люди не знают, что могут летать? Это ведь так легко! Взмахнёшь руками – и тело становится легче. Рулишь ногами, облетая препятствия. Чтобы подняться выше, энергично отталкиваешься ладонями от воздуха, почти как под водой. А затем, когда надоест совершать кульбиты или планировать по инерции, аккуратно приземляешься на крышу бревенчатого домика, верхушку дерева рядом с ним, или лужайку. Но с неё сложнее взлететь. А ведь так хочется стрелой промчатся над вековым бором, что тёмной стеной возвышится вокруг.

Шум леса и пение птиц с каждой минутой становились всё ближе. Солнечные лучи скользили по подушке. Релакс-капсула насытила воздух бодрящим кислородом и очень качественно имитировала утренний лес, чтобы нежно разбудить спящего под куполом человека. Ещё немного, и она начнёт слегка вибрировать, выдаст сводку обновлений и порекомендует, как провести досуг.

Даллас открыл глаза и лежал, осознавая, что летал он снова лишь во сне. Но то, о чём он думал накануне, казалось не менее захватывающим.

Сегодня особенный. Будильник сработал в безумно раннее время – шесть утра. Ни одному жителю города Орион не придёт в голову встать в такую рань. Мало кто из них помнит, что в капсулах вообще есть функция, способная в определённое время прервать их сладкий сон. С некоторых пор стало не принято спешить, назначать встречи на конкретное время и нервничать из-за опозданий. Комфорт людей не подразумевал ранние пробуждения по будильнику. Чаще всего горожане использовали другие функции – развлекательные приложения и смешные ролики, генерируемые искусственным интеллектом.

Множество людей целыми днями не покидали капсулы, набивая голову бесполезным контентом, а желудок вредным джанк-фудом, доставленным по пневмотрубе из «МакБургерз». Что до вывода отходов жизнедеятельности, то они использовали функции, разработанные для immobileных людей, хотя всего в двух шагах располагался прекрасно обустроенный, напичканный возможностями и удобствами персональный кабинет для размышлений.

Даллас откинул крышку репсулы и вспомнил, как на прошлой неделе чинил похожую модель, но более новой серии. Девушка-клиент не захотела покидать устройство на время ремонта. Или хотя бы прикрыть одеждой полное, не вызывающее интереса, тело. Так он и ковырялся в настройках, перезагружая лишь массажный модуль, стараясь не отключить подачу воздуха, или, что ещё хуже, поток информации на проекторе внутри. Уходя, Даллас помахал ей через стекло, но она не соизволила повернуть голову в его сторону. Как было бы здорово напоследок отправить контроллер в перезагрузку и послушать истеричные вопли оставшейся в темноте девицы. Но это грозило плохими отзывами.

Сегодня Даллас не собирался чинить релакс-капсулы или гирокары. Кое-что получше занимало мысли и руки на протяжении многих месяцев. Сперва проект помогал убить время между заявками, но затем захватывал всё больше внимания, требовал подолгу оставаться в мастерской, куда почти никто, кроме него, не заходил. Он пытался вовлечь коллег, но те предпочитали хохотать над тупыми шутками Большой Головы – персонажа комедийного шоу,

которое крутили в эфире, кажется, бесконечно. К тому же, они пришли сюда только потому, что залезли в кредиты по уши, не думая о финансах. А замена неисправных деталей не требует напряжения ума. Далласу же действительно нравилось возиться с оборудованием и программами, выискивать причину поломки и устранять её, а не вкручивать новый модуль. Он часто ночевал в мастерской, ему действительно нравилось работать. И этот факт не позволял найти с коллегами общий язык. Они не понимали, как можно не получать удовольствия от игр, тридэ-фильмов, йоги, вечеринок у бассейна и праздных шатаний по улицам Ориона в окружении модных людей, напичканных гаджетами.

Даллас обдал тело освежающими струями воздуха в душевой кабине. Затем он наскоро проглотил сэндвич из «МакБургерз» и вызвал кэб. Как и следовало ожидать, в такое раннее утро очереди на кабины не было, и она примчалась в течение двух минут к наружному выходу из небольших апартаментов на пятнадцатом этаже.

Четырёхместная кабина казалась просторной, если ехать в ней одному. К этому уже пора привыкать – канатные перевозки уходили в прошлое, хотя в скорости перемещения по городу им нет равных. Всё дело в комфорте – люди предпочитали собственные одноместные наземные гирокары. В них можно досыпать, смотреть шоу или играть, пока двухколёсный транспорт не доставит полулежачего пассажира к месту назначения. Даллас ни за что не променял бы вид на город из окна кэба на наземные часовые пробки, но большинство горожан поступало именно так. Но есть и в этом плюс – никаких задержек на перекрёстках, где маршруты кабин разделялись.

В мастерской, как и ожидалось, никого не оказалось, поэтому Даллас без помех испытал своё творение – четырёхметровые крылья с гидравлическим сервоприводом и реактивной тягой. Он поднялся под потолок и спланировал в дальний угол полупустого ангара. Убедился, что все системы работают. Ничего не помешает покинуть купол через шлюз вслед за воздушным поездом, который курсирует между городами. Готовясь к полёту, он немало времени провёл на станции, наблюдая, как раскрываются и смыкаются створки шлюза, когда прибывает или отправляется состав. Поезд въезжал в тоннель, который компенсировал разницу давления. А реальный мир прямо там – за наружными воротами.

Далласу всегда мешал купол над городом, несмотря на все преимущества, что он давал. Казалось, что сверху нависает огромная плита и неощутимо давит на голову. Но благодаря этому люди не боялись внезапного дождя, снега, ураганных ветров и солнечного ультрафиолета. Купол защищал от радиации, ведь на той высоте, где располагался Орион, атмосфера разрежена. Благодаря куполу испарения ядовитых газов, что отравили землю сотни лет назад, не проникали в город.

Эти преимущества – обыденность. Все давно привыкли, что днём воздух тёплый, а ночью прохладный; что с четырёх до пяти утра идёт лёгкий дождь; что в зоне бассейнов всегда сияет солнце, но под ним невозможно обгореть.

Ночью улицы освещались Луной и звёздами, но Даллас знал, что они – лишь имитация. В ночном небе неизменно висело созвездие Ориона с тремя яркими точками – поясом, но ведь так не бывает. Из-за вращения Земли светила не стоят на месте, а это созвездие хорошо видно только зимой. Правда, мало кто из горожан задумывался на эту тему.

Взглянуть на настоящие звёзды – вот чего хотел Даллас. Ощутить над собой бескрайнее небо. Как в игре или тридэшках, только более реалистично. Единственная возможность оказаться за пределами купола – перемещение между городами на реактивном воздушном поезде. Но в современных моделях нет окон. Вероятно, конструкторы посчитали, что яркое солнце помешает пассажирам спать и смотреть тридэшки во время путешествия. Хотя утверждалось, что это ещё один способ сделать полёт безопаснее.

Напоследок Даллас проверил сервоприводы. Взмахи крыльев «Икара», как он окрестил устройство, сработали не полностью синхронно, и приземлиться получилось кое-как – даже

не устоял на ногах. Он снял массивный рюкзак, который крепился к плечам, поясу и ногам, и обнаружил, что одна из деталей погнута. Похоже, один из коллег заинтересовался изобретением, но не проявил должной аккуратности и смелости признаться, что уронил крылья.

Далласа охватила злость – из-за этих криворуких бездельников придётся отложить полёт! Но если найти подходящую деталь, можно всё исправить. Гаджет на руке спроецировал расписание поездов. К отлёту первого успеть не получится, но через полтора часа вылетал ещё один челнок, пусть и в другом направлении. Если ремонт не затянется, он его не пропустит.

Даллас наскоро приделал подходящую деталь к блоку управления «Икара», распластав крылья на полу мастерской. Нечего и думать, чтобы улететь в середине дня, когда множество людей бродит по вокзалу, подумывая, не отправиться ли в другой город. Для них это такое же развлечение, как посмотреть в зоопарке на голограммы вымерших животных.

Ситуацию осложняло то, что Даллас собирался лететь в некоем подобии скафандра, а это привлечёт много ненужного внимания – вид у него необычный. В течение дня материал, из которого сшит костюм, поглощает солнечные лучи и подзаряжает батарею «Икара», а ночью эта энергия пойдёт на обогрев. Ведь снаружи, если верить «Цивилопедии», сильный мороз. Даллас не представлял, что значит находиться в разреженной атмосфере при температуре ниже нуля. Жидкости при минусе замерзают, а он, как и все люди, в основном состоял из воды. Но, согласно той же энциклопедии, содержащей всемирную базу знаний, человек обитал на поверхности и во времена ледникового периода. Он прочитал немало статей и просмотрел десятки ролов, интересуясь, как выживал хомо сапиенс, далёкий от достижений цивилизации, вооружённый лишь палками, камнями да смекалкой.

У современного человека разумного по имени Даллас помимо смекалки есть немало изобретений для защиты от обморожения и других невзгод, что предстоит испытать вне купола. Костюм весил немало из-за тёмной светопоглощающей плёнки по всей поверхности. Современная мода не знала меры, когда речь шла об эпатаже, но до такого ни один модельер не додумался. Увидев человека, с ног до головы затянутого в глянцевые доспехи, да с крыльями за спиной, жаждущие впечатлений люди примут его за очередное развлечение, которыми так богат Орион. Они обступят его вокруг, желая запечатлеть то, чего ещё не видели другие. Тогда улететь не получится, а если включить реактивную тягу, то зеваки пострадают от пламени. Этого в планы Далласа не входило, как и откладывать полёт. Он знал по себе, что если отложит вылет на потом, то вряд ли решится снова. Поэтому он поспешил на вокзал в чьём-то отремонтированном гироцикле, ожидающем отправки к хозяину.

Глава 1

Гироцикл мчался к вокзалу, но остановился, едва въехал в тоннель. Несколько машин впереди перекрывали дорогу. Даллас в нетерпении привстал на подножках, увидел, что один из массивных гирокаров стоит поперёк дороги и не даёт проехать остальным.

В отличие от Далласа, никто не вышел посмотреть, что случилось. Так же в просторной кабине торчал и виновник затора. Он держал огромный стакан кофе, при этом трясся от хохота, рискуя разлить напиток. На внутреннюю поверхность стекла проецировалось «Шоу Большой Головы».

Решительным движением Даллас откинул дверцу гирокара, наблюдая, как у сидящего внутри от недоумения вытягивается лицо.

– Не подскажешь, какого чёрта твой кар загородил проезд, пока ты тут наслаждаешься своим капучино? – начал он.

– Эй, остынь, дружок! К чему такие нервы? Автопилот решил, что поворот именно здесь. Железяка устроила тотальный отвал, – сидевший в кабине отвратительно фыркнул и захихикал – это был очередной мем, в которых Даллас не очень разбирался. – Не закроешь дверь? Я, вообще-то, смотрю шоу.

Далласу показалось, что он сейчас закипит от ярости. Стараясь успокоиться, он проговорил, стиснув зубы:

– Так почему бы не переключиться на ручное управление? Здесь есть и другие люди, им надо проехать.

– Я же сказал – смотрю шоу. Это новый выпуск Большоголова, ты что, не в курсе?! Я ещё ни разу не пропустил премьеру! Так что, извини, дружок. И закрой дверь, – капризный тон невероятно раздражал.

Даллас оглянулся на других водителей в поисках поддержки, но, судя по проекциям на стёкла, все они слушали шутки Большоголова и никуда не торопились. Он представил, как поезд уезжает и покрылся холодным потом. В объезд уже не успеть, этого придурка с места не сдвинешь. Наплевав на правила, Даллас влез на гироцикл и рванул из тоннеля по встречной полосе, надеясь, что не попадётся на дорожную камеру.

Вскоре он заметил тихое место между ограждениями трасс и остановился. От возбуждения пальцы едва справлялись с застёжками комбинезона и крыльев. Придётся пройти ещё одно испытание, прежде чем вылететь за пределы купола. Оно и к лучшему. Даллас нацепил горнолыжный шлем с очками и рванул вверх на реактивной тяге.

«Икар» превзошёл все ожидания. Датчики сервоприводов улавливали каждое движение раскинутых рук, посылая импульсы огромным крыльям из лёгкого, но прочного пластика. Даллас быстро освоился, набирая высоту взмахами. Рулил больше ногами – сработала идея соединить штанины скафандра мембраной из плотной ткани. Он учился летать только в ограниченном помещении мастерской, но сейчас самым сложным оказалось не забывать дышать от чувства восторга, ощущения невесомости и ежеминутного риска врезаться в дом или дорожную эстакаду.

Такое знакомое чувство полёта. С самого детства он видел сны, где летал будто лист на ветру. Сейчас они отдавались эхом дежавю. Но здесь нет открытых пространств, настоящего неба, гор, лугов, леса. Покрытые алюминием многоэтажки не похожи на те дома, что ему снились. Они торчат огромными столбами, будто подпирая купол.

В одно из таких зданий чуть не влетел Даллас, огибая трос канатной дороги. Увидев, что стена несётся навстречу, торопливо замахал крыльями. К счастью, удалось погасить скорость, и он лишь слегка впечатался в дом на уровне верхних этажей. Чтобы удержаться, уцепился за выступ и перевёл дух. Да, к крыльям нужно ещё привыкнуть.

Даллас запустил реактивные двигатели и снова набрал высоту. Пролетая мимо окна, он заметил ребёнка, который, увидев его, бросил гаджеты и подбежал к стеклу. Мальчик застыл, открыв рот. Вряд ли он ожидал увидеть такое в настоящем мире, а не в игре или тридэшке. Хотелось помахать ему рукой, но крыло могло неправильно понять этот жест. Поэтому Даллас просто улыбнулся и рванул по направлению к вокзалу. Нужно торопиться – цифры на внутренней стороне очков говорили, что поезд отправится через три минуты.

Навигатор показывал направление. Стараясь больше ни во что не врезаться, Даллас как следует разогнался. Увидев поезд издалека, он выругался – состав тронулся, а значит, очень скоро разгонится так, что не догнать. Шлюз отрежет выход из города, и придётся объясняться с людьми, которые видели и засняли летящего Далласа. Наверняка он попал в объективы десятков камер. Разумеется, это уже в трендах, и теперь каждый пожелает лично осмотреть и опробовать новое изобретение. Возможно, его даже пригласят на вечернее шоу Барри Коккера – там любят всяких чудаков. Не сказать, что он был против, но сначала хочется взглянуть на мир снаружи, чтобы знать, о чём рассказывать.

Даллас сложил крылья и включил ускорение на полную мощность. Он снизился и летел над рельсом, нагоняя поезд. Последний вагон миновал шлюз и въехал тоннель. Створки зашипели и двинулись. Только бы успеть! Даллас не снижал скорости. От напряжения он задержал дыхание и влетел в пасть шлюза, которая сразу захлопнулась. Случись это на мгновение раньше, история дерзкого полёта завершилась бы трагически и глупо. Но Даллас проскочил.

Поезд всё увеличивал ход, отрываясь от преследования. А впереди ещё один шлюз. Если отстать, то он закроется перед носом. Даллас уже почти отчаялся и приготовился затормозить, но, к удивлению, почувствовал, что тоже ускоряется – открытый наружный шлюз высасывал воздух вместе со всем, что оказалось в тоннеле. Снова появился шанс вылететь вслед за шаттлом. На бешеной скорости Даллас маневрировал в потоках воздуха. Он уже не видел ни стенок, ни рельса. Только красные огоньки на корме состава.

Когда тоннель выплюнул Далласа наружу, всё резко изменилось. В глаза ударило солнце, дыхание обжёг ледяной воздух, потоки ветра не дали расправить крылья «Икара». А тут ещё поезд запустил турбины и рванул вперёд, создавая турбулентный вихрь. Далласа перевернуло, закрутило, он потерял ориентацию, судорожно замахал руками.

Как тогда в детстве, когда после подначки Джеффа прыгнул в глубокий бассейн, а плавать не умел. Он молотил по воде, но она всё равно смыкалась над головой. Тогда рядом оказался спасатель. Он вытащил Далласа и долго объяснял, что если не поборошь страх, то выплыть не получится.

Вот и сейчас Даллас старался сперва думать, а потом действовать, а не наоборот. Он вдохнул ледяного воздуха, раскинул руки и сообразил где верх, а где низ. Вдруг сзади металлически дзинькнуло, и одно крыло заклинило. Наспех прикреплённая сегодня утром деталь, не выдержала нагрузок. Он стремглав летел к земле.

Крылья торчали в разные стороны, поэтому Далласа закрутило. От перегрузок и страха к его горлу подкатил съеденный завтрак. С большим трудом он дотянулся до крепления второго крыла и сложил его за спиной – так же, как и первое. Вращение прекратилось, но падение нет.

Внизу лежала белая бугристая масса. Будто весь мир засыпало чистым снегом. Даже горные вершины – по самую макушку. Поверхность выглядела мягкой, но у Далласа был только один шанс узнать, переживёт ли он столкновение с этим белым покрывалом.

Вспомнил о реактивных двигателях, но слишком поздно. Чтобы их запустить, надо направить ноги вниз, а в воздухе это сделать непросто. Белая масса приближалась слишком быстро. Даллас неощутимо провалился в неё и оказался внутри белёсой пелены. Он ничего не видел кроме окутавшей его мглы. Ощущение неизвестности привело его в ужас. Позабыв о двигателях, он закричал.

И вдруг пелена исчезла – Даллас пролетел её насквозь. Над ним остался облачный покров, а внизу простирались горы, окружённые серым дымом. Он стремительно приближался к одной из вершин, которая скалилась чёрными камнями и зияла белыми проплешинами.

Даллас наконец-то пересилил ужас и запустил двигатели. Приноровился давить на гашетку вполсилы, чтобы не начинало крутить и подбрасывать реактивной тягой. Скорость падения уменьшилась. Он выставил ноги, готовясь к касанию с белой поверхностью скалы. На этот раз действительно снег. На горнолыжных трассах в Орионе лежал искусственный, но похожий. Теперь пришла пора познакомиться с настоящим. Хорошо бы ядовитые газы не достигали этой высоты, иначе удачная посадка всё равно обернётся удушливой смертью.

Земля приближалась, но уже не с такой пугающей скоростью – благодаря двигателям. До поверхности оставалось ещё прилично, когда гул реактивной струи стал прерывистым, а потом и вовсе превратился в слабое шипение – топливо закончилось! Он едва успел поджать ноги и выставить руки, прежде чем шлёпнуться о покатую поверхность горы, покрытую тонким слоем льда и снега. Впечатлений от этого приземления уже хватило бы на всю жизнь, но Даллас покатился вниз, собирая шлемом все выступы скалы.

Как закончилось падение, он не помнил. Не помнил и того, что было дальше. Смутно проскальзывали образы существ с огромными глазами, склонившиеся над ним в полумраке. Сквозь бессознательность доносились напевы и чужие голоса. Они что-то говорили, но он не мог ответить. Запомнилась лишь одна фраза, да и ту, кажется, сказали не ему: «Лишний рот».

Глава -1

За постройку «Икара» Даллас взялся за полтора года до первого полноценного полёта, а точнее – падения. Это тот случай, когда средство стало целью, а изначальная идея потеряла смысл.

Изобретением крыльев Даллас хотел привлечь внимание к проблеме, волнующей его куда больше, чем желание увидеть настоящие звёзды и оказаться под открытым небом вне купола. Собственно, стремление убежать, улететь из города появилось в тот момент, когда основные компоненты «Икара» уже были спроектированы, изготовлены и проверены. И именно это желание позволило довести начатое до конца. А процесс создания летательного аппарата помогал бороться с отчаянием и одиночеством – они навалились тяжёлым комом сразу после расставания с Лизой.

Когда отношения прекратились, он обвинил общество. Даллас и Лиза не выиграли в лотерею и не получили разрешение завести ребёнка. Так же не повезло тысячам пар по всей планете. Но ему казалось, что именно им это необходимо больше всего. Бездушная автоматика, учитывая различные факторы, распределила квоту среди других желающих. Возможно, радость сплотила бы их, вернула искру. Но увы.

Даллас и Лиза участвовали в лотерее всего лишь раз. Они могли попытаться в следующем году, но неудача надломила отношения, и всё очень быстро сошло на нет.

Тогда Даллас задумался о необходимости этой лотереи. Когда-то управители так боролись с угрозой перенаселения, но это давно в прошлом. Городу хватало воды – она добывалась из атмосферы. Пищи более чем достаточно – многие находили в обжорстве одно из основных удовольствий жизни. Для производства еды работали гидропонные фермы и комбинаты культивируемого мяса. Из недр земли роботы добывали нужные городу минералы, металлы и другие ископаемые, а электричество вырабатывалось солнцем и ветром. Люди жили хоть и плотно, но места хватало. В других городах расширяли границы, пристраивая новые поселения-платформы, но в Орионе этого не происходило и Даллас не понимал почему.

Сначала он добивался разрешения на ребёнка от управителей. Посылал запросы, записывался на личные приёмы, но бюрократия, вросшая в систему власти, затягивала процесс на многие месяцы, и это выводило из себя. Даллас весьма наивно надеялся, что решение вопроса вернёт Лизу, и всё станет по-прежнему. В то время он даже не думал, что проблемы начались задолго до участия в лотерее.

Даллас добивался встречи с представителем Корпуса управления в Орионе. Запросы отклоняли множество раз, сочиняя глупые отписки, отправляли из одного министерства в другое. Всё это длилось месяц за месяцем, невообразимо долго. Появилось ощущение, что действует система защиты, разделяя простых граждан и власть.

В последнем ответе значилось, что он не может встретиться с представителем совета управителей, если его запрос не поддержан петицией с подписями хотя бы десяти тысяч человек, а он не выдвинут представителем по этому вопросу.

Даллас создал петицию, где, как ему казалось, максимально доходчиво описал, что лотерею нужно отменить, а город расширить. Осталось заинтересовать общественность и в определённые сроки собрать подписи.

Он обсуждал с коллегами и заказчиками надуманные проблемы перенаселения и потерявшую смысл лотерею. Оказалось, что большинство людей не желают разговаривать на такие серьёзные темы, да ещё с ремонтником. Но нашлись и те, кто разделял его точку зрения. Несколько человек даже пообещали подписать петицию, вот только из них сдержали слово считанные единицы. В итоге он получил пару плохих отзывов от клиентов, и от этого пришлось отказаться.

Очень расстроили друзья, которые идеи Далласа тоже не поддержали. Многие просто перестали выходить на связь, посчитав его слишком назойливым и скучным. Самый близкий друг Джефф прямо сказал, что это не в его интересах. Ведь чем больше людей, тем сложнее найти свободный шезлонг возле бассейна, а в кафе будет не протолкнуться. Непонятно – шутил он или нет, но привлекать друзей желание отпало.

Как и Лизу. Она старательно избегала этой темы, а потом и вовсе улетела на курс полного погружения в восточные практики в Близнецы.

Чтобы получить внимание, нужно что-то интересное, в популярном формате. Даллас решил сделать тридэшку или короткий рол с призывом задавать вопросы корпусу управления, но как донести информацию? Нужен экстраординарный ход, чтобы видео попало в тренды, и о нём заговорили все.

Даллас записывал роли, напирая на родительские чувства. Он призывал ставить под вопрос устои общества в этой области. Но каждый раз, когда он пересматривал результат, хватался за голову и понимал – лидер общественного мнения из него не получается. Он не говорил в модной капризно-напыщенной манере. Не носил стильные бакенбарды. Вместо этого – чёрная шевелюра до плеч, широкий нос и добрые, будто извиняющиеся, глаза. Он видел невысокого худощавого парня, который хоть и говорил правильные вещи, но таким тихим и нудным голосом, что получалось неубедительно. А если говорить с чувством и интонациями, то это выглядит ещё и глупо. С такой подачей сложно побудить людей осаждать Корпус управления и добиваться ответов.

Это здание стояло в центре города, но его главных обитателей постоянно не оказывалось на месте. Даллас несколько раз поджидал появления руководителей у входа, но нужные ему люди, именно в этот момент оказывались в разъездах, брали отпуск или работали из своих резиденций. Сложнее всего оказалось объяснить роботу-секретарю, зачем он пришёл. С логикой говорящей головы за конторкой сложно спорить – если лотерея не выиграна, то попробуйте в следующем году. А встреча с управителем Смитом невозможна – нет подписанной петиции. Пробегаящие мимо мелкие служащие только разводили руками, показывая, что ничем не в силах помочь.

Резиденция сенатора Смита располагалась недалеко от мастерской Далласа. Он прошёлся вдоль огромного – метра на четыре ввысь – забора, посмотрел на ворота, охраняемые двумя хмурыми молодцами, увидел, как въезжает внушительных размеров гирокар с непрозрачными стёклами, и понял, что так к чиновнику не пробиться. Тем не менее, пока не закрылись ворота, он увидел людей, гуляющих в саду – дама с двумя детишками разного возраста. Интересно, у управляющих отдельная лотерея, или они просто такие везучие?

Пожалуй, единственным способом пообщаться можно, лишь перелетев через этот огромный забор и лично задать чиновнику пару вопросов. Даллас не собирался вредить управителю, но трансляция такого события в прямой эфир наверняка привлечёт внимание тысяч обывателей. Ведь не один Даллас имел вопросы к власти.

Преодолеть высокое ограждение непросто. Если только взлететь на реактивной тяге. Но ракетный ранец – слишком неуправляемая вещь. Для стабилизации нужны крылья. Инженерный мозг заработал в полную силу, прикидывая длину и конструкцию устройства. Даллас поспешил домой, где развернул давно заброшенную чертёжную программу и выполнил первые расчёты для создания «Икара».

Имя у крыльев появилось позже. В поисках информации он натолкнулся на старинный миф о Дедале и его сыне Икаре. Спасаясь от злобного царя, Дедал изготовил крылья, скрепив их воском (странное решение, ведь в те времена он мог использовать смолу), Икар взлетел слишком высоко, воск расплавился от солнца, крылья развалились (сейчас-то известно, что чем выше, тем слои атмосферы холоднее), он упал в море и утонул. Легенда немного пугала,

и Даллас посчитал, что имя «Икар» послужит предостережением, чтобы миф не превратился в реальность сотни лет спустя.

Заодно легенда определила концепцию крыльев. Они не только стабилизируют реактивную тягу, но и позволят парить, приземляться, маневрировать, как это делали птицы, рукокрылые и птерозавры. Здесь, конечно, немало сложностей – если бы человек летал от природы, то имел десятиметровые крылья, грудные мышцы атлета и ноги малолетнего ребёнка. Но для Далласа это лишь инженерные задачи, ожидающие решения. Крылья можно изготовить из подходящего по характеристикам пластика, мышцы усилить серводвигателями, а ноги... Ноги после недолгих сомнений Даллас решил оставить, а недостаток тяги в таких сложных моментах, как взлёт, компенсирует реактивный ранец. И вес топлива для него окажется не таким критичным, ведь махи крыльями тоже создают подъёмную силу.

Даллас изучал опыт воздухоплавания – от орнитоптеров Леонардо да Винчи до современных поездов, летающих между городами. За несколько дней он разработал и составил чертёж крыльев. Его так увлёк этот процесс, что он на время забыл о желании добиться ответов от управителей. Сейчас его интересовало, где лучше заказать детали, как снизить сопротивление воздуха, и другие вопросы этого толка.

Однажды задумавшись о Лизе, Даллас пришёл к пониманию, что неудача с ребёнком – это не так уж плохо. Он не смог бы увлекаться проектами, да и с её образом жизни роль матери несовместима. К тому же нельзя решать проблемы за счёт малыша. В конце концов, всё, что ни делается – к лучшему.

Глава 2

Даллас открыл глаза и впервые за долгое время осознал, что происходящее вокруг ему не снится. Он упал на поверхность земли и выжил. А сейчас видел перед собой лицо человека, хотя знал, что планета отравлена, а люди живут только в городах, парящих над облаками.

На него смотрели широко открытые глаза девушки. Весьма милой, только очень худой, судя по очерченным скулам и впавшим щекам. Из-за этого её глаза казались невероятно большими. Она улыбнулась и произнесла тонким голосом:

– Ну чё, очухался, наконец? Ты эт, ничё, если я те неправильно грю? Я ж не зна – мож ты бох, иль полубох, иль кто? Как звать тя – кажи, я ж не дура.

Кажется, девушка хотела узнать, как обращаться к незваному гостю. Он произнёс неожиданно хриплым и слабым голосом:

– Дал... лас. Воды...

Девушка встрепенулась, схватила посудину, что стояла неподалёку, и приподняла его голову, чтобы напоить.

– Да-лас, знач. А я чё-то про такого боха не слышала, над просить у нашего Старого, он-то точ всех знат, – девушка разговаривала странно – будто съедала части слов, к тому же тараторила без умолку, постоянно повторяя странное слово «чё». – Мя-то звать Гулька, а ма Гулей зовёт.

Несмотря на сильную слабость Даллас улыбнулся. Девчушка оказалась забавной, можно легко простить ей грубую и малопонятную речь. Из-за худобы и вороха тряпья на ней сложно определить возраст. Она выглядела взрослой, но вела себя по-детски – очень непосредственно, чем вызывала симпатию.

– Спасибо... Гулёнка, – прочистив горло, начал Даллас. – Давно я здесь лежу?

Девушка прыснула:

– Ха! Гулёнка! Ну тож норм, мне нра, – она уселась рядом с кроватью. – Старый нашёл тя давно, но ждал, када мужики придут, сам-то бы не допёр, и от нас толку ма. Думал, дохлый ты, почти весь под снегом валялся, а потом он чё-то глядь, а ты живой. Ну как живой – вроде живой, а вроде и нет. Явно – бох, вы ещё и не так могёте, чё. Короч, пролежал ты три дня, а всё рно не сдох. И када мужики припёрли, у огня положили, ты отжил. Мы с ма за тобой ходили. Старый тож тут шарился, палки к те привязал, да всё глядел твою одёжку. Грит – тех-не-го-ли-я. Чё эт – не знам.

Гуля, пока рассказывала, вынула из растрепавшейся причёски палочку. Она с наслаждением почесала ей голову и снова закрутила в пучок похожие на сосульки волосы.

Даллас рисовал себе картину произошедшего: после падения он, вероятно, катился вниз по склону горы, пока не затормозил о деревья и не оказался в куче снега, наметённого ветром. Костюм переключился в режим обогрева, постепенно расходуя энергию, а микроботы, внедрённые в его тело в детстве, устраняли внутренние кровотечения. Это они повлияли на железы, заставили их выработать седативные вещества, введя организм в подобие комы, что помогло восстановиться после крушения. Повезло, что прочности шлема хватило, да и шею не свернул. Иначе ни микроботов, ни природной защиты организма не хватило бы.

Всё же, без сломанных костей не обошлось. Даллас ощупал себя – он лежал абсолютно голый, накрытый тряпьем. Это как, интересно, Гуля и её мать за ним ходили? К правой ноге привязаны две доски, фиксируя перелом. Нога отзывалась болью на прикосновения, значит, заживёт. Микроботы не допустят гангрены и заражения крови.

Когда голова перестала кружиться, Даллас осмотрелся. Он лежал в тёмном тесном помещении, стены и потолок которого сшили из кусков плотной ткани. Свет и тепло давал огонь в примитивном очаге из больших камней, куда Гуля подбрасывала дрова. Дым выходил через

дыру в потолке, с ним же исчезала изрядная часть тепла. Кругом в полном беспорядке разбросаны и развешаны разномастные тряпки, предметы утвари и инструменты непонятного назначения.

Гуля хлопотала над горшком с ароматным варевом, что стоял на камне, накрывающем очаг. Кроме неё в помещении никого не было. Даллас заинтересовался, что за люди живут на этой горе, захотелось расспросить Гулю, чем они промышляют. Но прежде всего нужно решить проблемы с собственным организмом. Возможно, прямо сейчас Даллас вдыхает токсины, отравляя себя, а эти люди уже приспособились. Хотя, на яды уже давно бы среагировал смартлет.

Это единственное, что осталось при нём. Остальное сняли, пока он лежал без сознания. Возможно, сложная застёжка помешала, или небольшой браслетик не привлёк внимания. Вот и хорошо. Без этого устройства и в условиях привычного Ориона тяжело, что уж говорить о странном мире людей, которых по науке вообще не существует.

Даллас поднёс смартлет к глазам и перевёл взгляд на стену. К счастью, гаджет пережил падение не хуже, чем хозяин. Он спроецировал на неровную поверхность экран и, повинаясь микродвижениям зрачков, уловил какой апп открыть. Монитор здоровья отображал красные области в районе ноги и грудной клетки – ещё и два ребра сломано. Предупреждения призывали восстановить баланс воды и электролитов, принять пищу, богатую белком и кальцием и срочно обратиться за профессиональной медицинской помощью.

Обратиться сейчас можно только к Гуле, но она, заметив светящуюся проекцию на стене жилища, вскрикнула, выронила из рук кувшин, полный воды, и запричитала:

– Ой! Чё ет? Мамка! Колдунство? Или чё? Пожалей, бох... Да-лас. Не знала я, чё трогать ты низя... – она забилась в угол, пытаясь закрыться висящими там тряпками. Гулёнка так потешно махала руками и трясла ожерельями, что Даллас чуть не расхохотался:

– Не бойся, Гуля. Это всего лишь такая технология, не собираюсь я с тобой ничего делать. А за то, что ухаживала за мной, говорю – спасибо.

Гуля выглянула из-за тряпок и недоверчиво посмотрела на Далласа, услышав знакомое слово.

В этот момент полог жилища отодвинулся, и внутрь протиснулся тщедушный человек. Лицо его было разукрашено красными полосами, глаза густо обведены чёрным. С причудливой шапки и лохмотьев свисали нити с бусами и амулетами. Он взглянул на Гулю и засмеялся, раскрыв рот с редкими зубами. Даллас понял, что пришёл тот самый старый.

– Щё, дурёха, боишься? Прально, не по твой ум с бохами балакать, – старик шамкал и шепелявил, так что его «чё» больше походило на «щё». Теперь он с трудом опустился на колени, склонил голову перед Далласом и поднял ладони:

– Великий бох, житель неба, прости нам нашу темень. Мы рады щё ты явился к нашим глазам в деревне. Гоштейвай во вшех домах и будь друг мне и эта девка-дура. Ты уж её жвини, дремуча шовсем, учишь, учишь, а ей поисть, да цветочки наишкать.

Даллас смутился. Если этот старик нашёл его без сознания, накладывал шину, то он точно знает, что перед ним такой же человек, как и они – из мяса и костей, которые, кстати говоря, ломаются. Пока он решал, как лучше заставить пожилого человека встать с колен, в разговор включилась Гулька:

– Чё хоть ты, Старый! Эт бох Да-лас! Он тут делал тех.. тенхо... короч, колдунство ихнее. Вот я и струхнула чутка. Ты знашь сказки про Да-ласа? Не слышала чёт.

Старый, которого Гуля без тени почтения так и называла, казалось, не слушал щебетания девушки. Он с кряхтением поднялся, подошёл к Далласу, и стал осматривать его ногу. Размазывая по коже вонючую грязь, от которой щипало ссадины, он бормотал себе под нос что-то, похожее на монотонную молитву.

Даллас не решался прервать этот ритуал и заговорить со Старым. Он ещё чувствовал сильную слабость, да и неразборчивый речитатив клонил в сон. Веки закрылись сами собой.

Проснулся уже вечером, когда за хлопающим на ветру пологом жилища темнела ночь. В доме помимо Гули обитало ещё несколько женщин разного возраста, одна из них следила по-матерински за тем, как Даллас пьёт горячий бульон из чаши. Затем Гуля принесла белую, разрезанную на крошащиеся кусочки, массу. Её вкус оказался солоноватым, но ни на что не похожим. Гуля объяснила, что это сыр козы. Сложно понять смысл – сыр кушанье не напоминало, а козой именовалось животное, вымершее после экологической катастрофы, что поставила на грань существования всё живое. Выжили лишь немногие виды мелких птиц и зверей не крупнее кошки. Неужели здесь остались не только люди?

В какой удивительный мир он попал! Эта мысль снова заставила вспомнить полёт и жуткое падение сквозь облака. Даже голова закружилась. Провал в памяти наводил на размышления о загробном мире. Но он не верил в эти сказки. Людей всегда терзал вопрос – что будет после смерти. Религии часто спекулировали на этой теме, давая на него свои ответы и требования к тому, как жить. Но сейчас с вершины знаний это кажется не более, чем глупыми выдумками, рассчитанными на недалёких людей. После смерти мозга нейроны перестают обмениваться сигналами, а это значит, что прекращается и мыслительная деятельность. То есть, для данного индивида всё закончено, и нет никакого смысла думать, что станет потом.

Реальность ли это? Происходящее вокруг так отличается от того, к чему привык Даллас. Сейчас ему действительность казалась столь же сказочной, сколь и настоящей. Женщины вполголоса разговаривали друг с другом. Гуля возилась с тряпками и котелками. Обычные люди из мира живых. Да и прикосновения её грубоватых, но тёплых рук, когда помогала напиться, осязаемы и реальны. Но в то же время этого не могло быть.

Подумав, Даллас решил, что неважно, насколько этот мир настоящий. В любом случае он безумно интересен. Поэтому, когда пройдут приступы головокружения, а кости срастутся, он узнает больше об этом месте. Разгадает, откуда здесь взялись люди.

Глава 3

Даллас быстро шёл на поправку. Уже на следующий день с трудом, но сел и воспользовался посудиною рядом с лежаком. Этим он избавил заботливых женщин от самых неприятных процедур.

Ещё два дня, и Даллас встал на ноги, пробуя себя на прочность. Он решил подняться, когда остался в жилище один, как это часто случалось. Женщины занимались сбором растений, пригодных в пищу, пасли коз, носили воду – хозяйствовали, обеспечивая быт. В городах над облаками таким трудом занимались автоматические помощники, а здесь несколько женщин выбивались из сил, добывая пропитание. А после тяжёлого дня, они продолжали работать внутри жилища: варили, шили, сушили траву и грибы, полоскали тряпки.

Об этом рассказывала Гуля, объясняя, куда и зачем постоянно отправляет её мать. Они с ним часто болтали, оставаясь наедине. Даллас пытался выяснить, как живут эти люди, но Гулёнке такие вопросы казались настолько очевидными, что она не считала нужным подробно объяснять вещи, которые «знат всяк дурак». Например, Даллас так и не понял, чем заняты мужчины. Они приходили в жилища раз в несколько дней и сейчас отсутствовали.

Даллас, кряхтя и охая, встал на здоровую ногу. Ухватился за жердь, которая подпирала потолок. Сильно закружилась голова, и он стоял, закрыв глаза, и глубоко дыша. Вроде бы всё не так уж плохо. Трещина в рёбрах не слишком мешала, если не считать боль при вдохе. Голове становилось легче с каждым днём. Нога, конечно, должна ещё срастись, но если найти пару прочных палок, упереть их в подмышки, то можно передвигаться и на одной ноге. Только вот под повязкой над коленом очень болело. Вероятно, последствия открытого перелома.

Обследование прервалось громким «Ой!» от неожиданно вошедшей Гулёнки. Увидев голого Далласа, стоящего рядом с постелью, она вскрикнула, но даже не подумала отвернуться. Он бросился было за покрывалом, но не удержал равновесия и ступил на сломанную ногу. Яркой вспышкой боль прошла через тело, и Даллас повалился набок. Гуля подоспела как раз вовремя, чтобы подхватить его и аккуратно усадить на лежак. Она села рядом и не спешила отпускать Далласа. Смущаясь, он пытался натянуть на себя кусок тряпки, а она прыснула:

– Ай, чё я там не видала? – и помогла Далласу укрыться, укладывая его в постель. – Ты ща пока лежи, сил мал-мало. Исть буш?

От предложения перекусить Даллас не отказался. Ему нравилось, когда Гуля его кормила. От этой заботы он чувствовал тепло, и казалось, что выздоровление происходит куда быстрее. Это подтверждалось и смартлетом. Жаль, что порции всегда оказывались крохотными.

Гуля больше не пугалась светящегося на стене экрана, странных жестов и взглядов управления, когда Даллас безуспешно ловил сеть. Она зачарованно смотрела на проекцию, держась подальше и не задавая вопросов. Попытки объяснить, что бояться нечего, наткнулись на стену суеверия со стороны недалёкой девушки – она только говорила «колдунство» и перебирала ожерелья. Мол, не её ума дело.

Возможности смартлета куда больше интересовали Старого. Он приходил каждый день – менял повязку, приносил сушёные корни для отвара, бросал в очаг сладковато пахнущую траву. Это немного унимало шум в голове. Даллас объяснял этому ведуну, как его здесь называли, какая связь между изображением из аппа «Монитор здоровья» и его состоянием. Поняв, что сломаны рёбра, знахарь перемотал его грудь полотном, вложив несколько пучков трав.

Старый интересовался, откуда прилетел Даллас, как он жил и вместе с кем. Причём по большей части его интересовали имена обитателей Ориона, и он недоумевал, почему они не кажутся ему знакомыми по сказкам о богах. Подолгу беседовать им не удавалось – Даллас быстро утомлялся, и Старый оставлял его отдыхать.

Спустя время, постоянно лежать стало неважко, и Даллас попросил у Гулёнки одежду. Он не мог надеть свой рабочий комбинезон из-за палок, ещё привязанных к его сломанной ноге, так что девушка предложила ему пончо, сшитое из лоскутков разномастной ткани и с дыркой для головы посередине. Оно оказалось длинным – ниже колен – прикрывало всё, что надо.

Даллас, опираясь на плечи худенькой девушки, совершил небольшую прогулку внутри жилища, но понял, что без более существенной поддержки ему пока не обойтись. Он уговорил Гулю принести пару жердей, наподобие тех, что поддерживали крышу обиталища. Взяв большой и грубый нож, он выточил палки себе до подмышек, примотал полосками ткани к одному из концов кусочек дерева для опоры. Спустя несколько часов и несколько попыток, он всё же вышел из жилища, поддерживаемый самодельными костылями и восхищённой Гулёнкой.

Перед ним открылась площадка с местом для костра в центре. К ней примыкали хижинки наподобие той, где он обитал. Собранные и сшитые из разномастных обрезков и обрывков материалов, они образовывали круг с очагом посередине. Таких домиков оказалось меньше десятка. Увидев Далласа, несколько ребятшек бросили игры, спрятались в жилища, и теперь удивлённые, испуганные, но очень любопытные глаза следили за незнакомцем через щели.

Прохладный ветер трепал волосы Далласа, охлаждал ноги и колыхал полы накидки. Но всё же воздух казался таким чистым и свежим после чадающего очага в хижине, что Даллас закрыл глаза и глубоко задышал, наслаждаясь ощущениями.

Из состояния нирваны его вывел крик Гулёнки:

– Вурх, низя! Свои! – она бросилась наперерез огромному мохнатому зверю, который, оскалив пасть, нёсся на Далласа во весь опор, явно собираясь разорвать его на куски.

Даллас оцепенел от чувства неотвратимости ужасного события. Он лишь бессильно смотрел, как сближаются тоненькая девушка и дикое животное. Сейчас оно сойдёт её с ног и перекусит горло. Через мгновение, спасая его, погибнет эта милая и заботливая болтушка. Воли хватило лишь на то, чтобы вытянуть руку, пытаясь отвести беду, но... зверь замедлил бег, приближаясь к девушке, а когда они встретились, лизнул ей руки, встал рядом и позволил почесать косматую шею, высунув огромный розовый язык. Хвост ужасной твари мотался в воздухе.

С громким стуком упала одна из опор Далласа. Пришлось отвлечься от пережитого ужаса, удерживая равновесие. Ещё раз взглянул на животное. Немного похоже на медведя или волка из проекций в тридэшках и голограмм в парке. Сейчас оно недоверчиво смотрело на Далласа, но слушалось девчонку, которая как минимум в два раза легче и едва ли выше этой твари, не опирайся та на четыре ноги.

Гулёнка стояла спиной к Далласу. Она кого-то звала и махала руками. Вскоре стало видно, что приближается небольшая группа людей. Пятеро мужчин брели к поселению по тропе, затерянной среди огромных камней. Они опирались на палки и угрюмо приближались, не отвечая на крики Гулёнки. Их грязная, сшитая из лоскутов ткани и меха одежда мало отличалась от того, что носили женщины. Разве что те чаще ходили с покрытыми головами, а мужчины сверкали лысыми или клочьями редких волос, что развевались на ветру.

Они прошли мимо Гули и в приветствии показывали ладони. А один весьма вульгарно приобнял её ниже талии и повёл с собой. Гулёнка вздрогнула, но скромно опустила глаза и не сопротивлялась. Направлялась процессия как раз в сторону Далласа. Зверь пошёл следом, по пути обнюхивая камни и задирая на них лохматую лапу.

– Ну чё, ожил, бох? – спросил один из подошедших мужчин, произнеся последнее слово с явным скепсисом. Даллас смешался, не зная, как лучше ответить. Мужчина переложил что-то во рту из-за одной щеки в другую и продолжил: – А я мож не верю в бохов? – он сплюнул на землю через промежуток в зубах и исподлобья уставился на чужака. Другие мужчины посмеивались, выказывая одобрение.

– Меня зовут Даллас, я... издалека, – голос предательски дрогнул, раскрыв страх. Мужчины хоть и выглядели измождёнными и ниже него ростом, но всё же их несколько, да и Даллас не в том состоянии, чтобы дать отпор. Их грязные лица, покрытые клочьями щетины, с запавшими глазами и скулами не светились добром.

– Хошь жнать бох он ли нет, Кашпар? – откуда ни возьмись появился Старый. Подойдя к мужчинам, он встал перед ними. – А щё ешлив да? Готов уйти к дедам?

Кашпар смутился и отвёл глаза. Видно, Старый пользовался уважением в этом племени. Обращаясь к ведуну, зачинщик произнёс:

– Все мы туда удём. Вот и Боба ушёл. Засыпало маво братца позатем днём. А ведь он для каво камни копал? Вон для его? – острый подбородок Кашпара двинулся, указывая на Далласа, после чего он в сердцах махнул рукой и направился к одной из хижин, откуда ему навстречу вышли дети и женщины.

– Боюсь, я не очень понял, – обратился Даллас к Старому. – Он говорил, что кто-то копал камни для нас? Вы обслуживаете роботов, которые добывают минералы и переправляют наверх? – видя непонимание в глазах, Даллас стал объяснять. – Ну, роботы – такие железные машины, сами двигаются, работают...

В разговор включился молодой мужчина, проявлявший к Гуле сальный интерес при встрече. Он громко цыкнул зубом и произнёс:

– Не знам, чё ты толкушь, тока роят вот енти самые руки, – показал он испачканные, все в мозолях и ссадинах ладони. – А руда дёт кверху, бохам, как ты.

Шахтёр потрепал грязными пальцами Гулёнку за шею, отчего та сжалась в комок.

– Исть дай, Гулька. Долгий путь.

Ошарашенный Даллас даже не испугался лохматого зверя по кличке Вурх, который подошёл обнюхать чужака. После этого животное потеряло к нему интерес и важно отправилось к хижине Кашпара. Выходит, не роботы добывают металлы, минералы и другие ископаемые, как Далласу рассказывали ещё в школе, а эти люди, живущие в убогих хижинах без удобств и достижений цивилизации. А что случилось с роботами? И что заставляет это племя работать в шахтах? Слишком много вопросов.

Он дошёл до лежака обессиленный, будто вместе с этими мужчинами, после нескольких дней тяжёлой работы преодолел трудный путь по крутой горной тропе среди камней. Даже от еды отказывался, но Гуля очень настаивала.

Пришли женщины, и до Далласа донеслись рыдания одной из них, оплакивающей погибшего в шахте Бобу. Остальные утешали её, хотя никакие слова не помогут в такой ситуации.

Ночью Даллас обдумывал услышанное и не спал. Он сильно пожалел об этом, когда из угла, где лежала Гуля, донёлся шум возни, сопение и приглушённые стоны. Тусклый свет тлеющих углей позволял разглядеть нагромождение шевелящихся покрывал на лежаке Гулёнки. Под этими тряпками явно возилась не только хрупкая девушка.

Испытывая глубокое чувство досады, Даллас отвернулся к стене и укрылся одеялом с головой. Он впервые пожалел, что сконструировал и испытал свои крылья.

Глава -2

В конце дня смартлет завибрировал, сообщая о поступившей заявке на ремонт тренажёра. Аппарат не подключался к сети, и Даллас выехал на место, вложив набор инструментов в карман комбинезона. Его встретила невысокая и очень симпатичная девушка в обтягивающем спортивном костюме. Кажется, поломка аппарата не помешала ей упражняться. Хотя по её изящной фигуре не скажешь, что тренировки ей необходимы.

Девушка представилась Лизой и провела Далласа в комнату с неисправным устройством. Почти сразу он понял, что дело в элементарной настройке, о которой многие забывают. Но на этот раз не хотелось поскорее уйти. К тому же возвращаться на работу смысла нет – уже зажглось вечернее освещение.

Лиза оказалась приветливой, предложила стакан сока, так что Даллас открыл на тренажёре программу профилактики, хотя этого не требовалось. Работая, он пустился в глупые и бесполезные рассказы, какие бывают проблемы с этими аппаратами. Он надеялся, что уши не горят огнём под взглядом красивой клиентки.

Точёные губки, гнутые брови. Из собранных в хвост волос выбивались пряди, как бы протестуя против тугой резинки. Та же черта прослеживалась и в её поведении. Лиза держалась свободно и расслабленно, живо реагируя даже на бестолковые и неинтересные истории. С ней оказалось легко общаться и не появлялось ощущение, что она ставит ремонтника ниже себя, как, к сожалению, делали многие клиенты.

Перед уходом Даллас принялся рыскать глазами по комнате, надеясь найти другой гаджет для починки, чтобы перекинуться ещё парой фраз с такой милой девушкой. Он заметил на экране одного из устройств изображение популярной группы из соседней Кассиопеи. Кажется, они как раз приедут с концертом в конце недели. Даллас не очень любил такую музыку, но, победив в короткой внутренней борьбе, сказал, ввернув модное словечко:

– О, вы тоже идёте на концерт «Моди Бик»? Надеюсь, там будет фаер!

Девушка просияла:

– А то! Они всегда рвут зал! Вы тоже их фанат?

– В некотором роде. Если встречу вас там, угощу виктелем, – как же много смелости потребовалось, чтобы предложить девушке всего лишь выпить фруктово-овощную смесь. Но Даллас справился.

– А если не встретите – то вот мой акк, – Лиза протянула тонкую руку со смартлетом.

Окрылённый маленькой победой, Даллас пожал руку девушки выше запястья, на что она улыбнулась и сжала его предплечье в ответ. Они стояли так с десятков секунд – явно больше, чем требовалось, чтобы смартлеты скопировали айди друг друга. Наконец Даллас смутился и суетливо засобирился домой. Ему сегодня ещё предстояло купить билет на эту чудачковатую группу.

На концерте Лиза познакомила Далласа с компанией друзей, и он с неудовольствием пополнил список акков, считывая айди со смартлетов незнакомых людей. Но к счастью, эта весёлая и подвижная девушка при звуках первой же песни схватила робеющего Далласа и потащила на танцпол. Затем они долго сидели за барной стойкой, забыв о кассиопейцах, которые устроили на сцене неоновое шоу под свист и грохот однообразных звуков.

Начали с обсуждения довольно редко совпадающих музыкальных вкусов, затем прошли по тридэшкам, трендам и всему, чем интересуются их сверстники. Даллас не разделял многих веяний моды и не стремился к популярности. Это привлекло Лизу или нет, но она предпочла продолжить вечер в компании нового знакомого, наскоро попрощавшись со старыми.

Даллас удивлялся себе. Он никогда не отличался разговорчивостью, но в компании с Лизой слова лились потоком. Хотелось обговорить столько всего, поделиться взглядами на

всевозможные вещи, шутить, рассказывать уже на самом деле смешные истории, а не те, что он мямлил, пока чинил тренажёр. Но вместе с тем ему стало безумно интересно узнать эту девушку, понять, чем она живёт. К счастью, она тоже говорила и шутила без умолку.

Они шли пешком по ночному городу. Мимо проносились гирокары со спешащими за клубными развлечениями жителями. Над ними сияло созвездие Ориона и серп луны. Даллас порывался петь, кричать, обнимать эту чудесную девушку, которая появилась в его жизни и вызвала столько эмоций и интереса.

Добрались до дома Лизы и проговорили ещё битый час, стоя у подъезда. Но потом ей захотелось ещё пройтись, и они дошли пешком к жилищу Далласа. Далековато, но никто не торопился. Они уже обсудили новейшие достижения в сфере науки и техники, как вдруг начался дождь. Значит, уже четыре часа ночи, как быстро пролетело время! Даллас обнял девушку, вроде бы защищая от дождя, но при этом трепетал, чувствуя её так близко.

Почти бегом добрались до апартаментов Далласа. Сначала планировалось, что он вызовет её кэб, но как можно не предложить промокшей девушке остаться и обсохнуть, налив кружку горячего чая?

Даллас закутал Лизу в самое большое полотенце, что нашлось дома и запустил раритетный магнитофонный проигрыватель с двумя огромными бобинами коричневой ленты. Он приобрёл его давным-давно в магазинчике сувениров и антиквариата. Сложно сказать, действительно ли это старинная вещь или современная реплика, но, несмотря на внушительные габариты, Далласу нравился этот магнитофон. Он редко включал его, потому что единственная катушка вмещала лишь девять песен, и они давно приелись. Но сейчас настал подходящий случай.

Удивлённая Лиза, услышав слова песни «Girl, you'll be a woman soon», долго и зачарованно рассматривала крутящиеся бобины. Она недоумевала, почему проигрыватель такой огромный, и для чего он нужен, если можно прослушать любую композицию с помощью смарт-лета и невидимого микробудса за ухом. Но песня произвела нужный эффект, и когда Даллас заключил её в объятия, приглашая потанцевать, она не возражала. Избавиться от мокрой одежды ей тоже показалось хорошей идеей.

Первые несколько месяцев Даллас и Лиза не отрывались друг от друга. Они виделись почти каждый день, часто вместе ночевали. Правда, у Далласа в апартаментах имелся лишь старенький неудобный диванчик, а у Лизы стояла новейшая модель релакс-капсулы, но, увы, одноместная. Это вызывало определённые неудобства, так что, потратив накопления, и добив недостающее кредитом, он приобрёл двухместное чудо техники.

Секс в репсуле впечатлил Далласа. Нежная подсветка и музыка меняли ритм, реагируя на процесс. Эта модель распыляла феромоны, усиливая возбуждение. А вибрационно-массажные зоны позволяли заниматься этим почти без телодвижений.

Правда, эту опцию Даллас невзлюбил. Всё из-за одного неприятного клиента – лысоватого толстячка. Он купил дешёвую модель капсулы, в которой нет такого модуля, а он, похоже, ради этого её и приобрёл. Вызвав Далласа, обещал приплатить сверху, если только тот установит ему «кое-какое дополнение» – с этими словами мужичок заговорщицки подмигивал.

Конечно, Даллас не помог сальному клиенту, а его подмигивание каждый раз всплывало в памяти, когда Лиза предлагала включить «жужжалку». Хотя и без этого всё получалось прекрасно. Далласу очень нравилось, что она часто оставалась у него ночевать – три-четыре раза в неделю.

Лиза жила очень активно. Она знала обо всех мероприятиях, проходивших не только в Орионе, но и в других городах, особенно в столице – Большой Медведице. С ней Даллас впервые побывал в этом огромном и самом населённом городе.

Если верить официальным данным, в столице постоянно обитало почти два миллиона человек. Но едва ли не больше людей мечтало жить в этом мегаполисе, поэтому нередко встре-

чались ночующие на улицах приезжие. Их влекла столичная жизнь – «как мотыльки на огонь», гласила старинная поговорка. Мотылёк – это, кажется, такая бабочка, насекомое с красивыми крыльями, а почему они летели на огонь – так же непонятно, как и то зачем люди покидают родные города и спят в подворотнях.

Но Лиза восторгалась столичным шумом, безумными пробками на все три уровня десятиполосных автострад, тысячами мерцающих триекций, рекламирующих всё подряд. В огромных клубах под завязку набитыми людьми она чувствовала себя в своей стихии. Она ловко совала смартлет под нос бармену, заказывая несладкую колу без газа прежде, чем того отвлекут другие люди. Ловко пробивалась сквозь толпу, таская за собой ошеломлённого Далласа, выбирая самые лучшие места, откуда видно всё, а звук пробирал до внутренних органов. А попав в центр событий, отрывалась каждый раз как в последний.

Помимо шумных клубов, Лиза, как и многие, увлекалась йогой. Правда, в отличие от других, она занималась этим не то спортом, не то медитацией гораздо серьёзнее. Почти каждое утро она ездила в йога-студию, но этого оказалось недостаточно, так что дома она занималась фитнесом на тренажёрах, а затем посещала занятия вечерней йоги. Даллас иногда не видел возлюбленную целыми днями, особенно если задерживался с ремонтом на другом конце города. А когда он предлагал ей сходить на тридэшку или мероприятие, интересное ему, Лиза часто предпочитала вечерние занятия. Не посещать йогу можно только ради тусовок в клубах или встреч с друзьями.

А друзей у Лизы было много. И все они время от времени требовали общения. Она таскала с собой и Далласа, но он чувствовал, что совершенно лишний в чужой компании. Не понимал, как можно так долго обсуждать еду, модную одежду или новые модели смартлетов (уж он-то знал, что они отличались от старых только внешним видом). В итоге Лиза встречалась с друзьями без его участия, что принесло даже некоторое облегчение.

Сначала это не казалось важным. Даллас покорно ждал, когда Лиза освободится, и они снова будут вдвоём. Но потом он заметил, что у неё остаётся для него всё меньше и меньше времени. Он просыпался один в огромной репсуле, потому что ей стало неудобно ездить на утреннюю йогу из его апартаментов – лишние пятнадцать минут на гироцикле. Лиза продолжала звать его на вечеринки или дружеские посиделки, но Даллас не видел в этом смысла и почти всегда отказывался.

Спустя восемь месяцев с момента встречи, Даллас решил, что недостаток общих интересов мешает им наслаждаться счастьем. Он назначил Лизе встречу в кафе, для чего отказался от выезда к клиенту, подстраиваясь под её график. Сидя напротив неё, но глядя в тарелку, он старался высказать все опасения, что не давали ему покоя.

– Лиза, я очень ценю твою лёгкость, но ты задумывалась, что будет дальше?

– А что дальше? – Лиза не понимала в чём проблема, ей хотелось поскорее закончить тяжёлый разговор, который заставлял нервничать. – Я пойду на вечернюю йогу...

– Ты же знаешь, я не об этом. В глобальном плане. Ведь ты живёшь каждый день только для получения удовольствий. За этим же должно что-то следовать. Для чего тебе столько времени тратить на фигуру? Даже если ты растолстеешь, я всё равно не перестану тебя любить.

– Так ты хочешь переспать с толстухой? – попыталась уйти в юмор Лиза, но глядя на каменное лицо Далласа, посерьёзна. – Мне нравится этим заниматься. Я чувствую себя живой. Мало кто превосходит мои достижения.

– Но, Лиза, эти достижения совершенно ничего не дают. Вы просто хвастаетесь друг перед другом результатами, которые ничего не значат. К тому же ты делаешь это в ущерб отношениям, – Даллас укоризненно посмотрел на неё. Необязательно напоминать, что они не ночевали вместе уже неделю.

– Ты хочешь, чтобы я бросила занятия, и сидела возле тебя? Мне неуютно в твоих апартаментах, там даже тренажёр не поставишь.

– Нет, я не требую ничего бросать, но надо немного подумать о будущем. Если мы подадим заявку на участие в лотерее, сможем переехать в более просторные апартаменты...

– Лотерея? – Лиза раскрыла глаза, полные ужаса. – Я пока не думала об этом.

– Я и не говорю, что нужно сделать это немедленно, – попытался успокоить Даллас. – На решение даётся три года. Ведь когда-нибудь наши отношения должны перейти на новый уровень.

Лиза молчала, глядя в пустоту, а Даллас продолжал:

– Каждый день, когда мы не видимся, я спрашиваю себя, для чего нужны эти переживания? И пока на ум приходит единственный ответ – я люблю эту девушку и надеюсь на более серьёзные отношения, завести ребёнка. Вот и подумал о лотерее, – Даллас перевёл дух, собираясь сказать главное. – Если ты не согласна, то я не вижу смысла продолжать встречаться.

Прошла целая вечность, прежде чем помрачневшая Лиза очнулась от тяжких раздумий и посмотрела на Далласа. Затем она взяла его руку, улыбнулась и спросила:

– Правда любишь?

– Да.

– Что ж, тогда лотерея.

Глава 4

Досада и разочарование не покинули Далласа и на следующее утро после появления мужчин. Подпитывала упадок духа и ноющая нога, которая не позволяла покидать хижину. Зубы покрыл противный налёт, а тело липкий слой жира. Чёрная грязь забивалась под выросшие ногти, ведь чесаться тянуло постоянно.

Очень хотелось вымыться, но Даллас не представлял как. Он не понял, как моются все эти люди. Судя по их запаху, грязным лицам и рукам – никак. Мытьём посуды они тоже не утруждались, считая еду более наваристой, если стенки горшка покрывает застарелый жир и прилипшие ошмётки.

В первое время Далласу было не до брезгливости, но она проснулась, когда ему стало лучше. Необходимость справлять нужду там же, где он спал и ел, казалась отвратительной. Смартлет требовал есть пробиотики, предлагал оформить заказ на йогурты. Алгоритм не догадывался, что существуют места, далёкие от пневмодоставки, а из доступной еды лишь похлёбка из горьких кореньев. От того, что он решался проглотить, болел живот и часто тянуло в туалет. Но по жилищу с раздражающей суетливостью таскались женщины. Они болтали о всякой ерунде и перебирали ненужную ветошь, пока Даллас терпел до последнего, прежде чем сесть на ведро.

Застиранная до дыр старая тряпка служила средством гигиены. Её Даллас, несмотря на сложности, стирал сам – не заставляя же делать это Гулёнку. А выбросить тоже не получалось – местные дамы не избавлялись ни от чего, что можно снова использовать. Вместо мыла брали золу из очага, но она, как ни странно, очищала.

Смущали и порядки этого общества. В тот вечер, когда пришли мужчины, они устроили пир горой: закололи козу, съели и её, и всё приготовленное в нескольких жилищах, не подумав поделиться с женщинами или детьми. Кусок мяса принесли и Далласу, но он, глядя на притихших голодных хозяек, отказался есть. Тогда не стали и они – пока оставался ненакормленным хоть один мужчина, женщины не принимали пищу. Пришлось выхлебать чашку отвратительного бульона с грибами, чтобы соседки разделили на всех пережаренный кусок мяса и насытились объедками после трапезы мужчин.

Шахтёры ушли две ночи спустя, забрав те немногие припасы, что остались после пиршеств. Женщинам снова пришлось целыми днями ходить по округе, выискивая съедобные грибы, коренья, ягоды и орехи.

Даллас с тоской вспоминал удобства, к которым привык в своей прежней жизни. Тогда он мог в любой момент сытно поесть и не думать, что еды мало и добывается она с большим трудом. Как он сладко спал в огромной релакс-капсуле! Он вспоминал её комфорт с особенной грустью, когда женщины принимались болтать на своём странном диалекте, а его клонило в сон. Разговоры их не касались высоких материй. В основном о козах, еде и окружающих людях. Становясь невольным слушателем сплетен, Даллас заочно познакомился со многими жителями племени. Они побаивались тревожить «боха», поэтому не появлялись в их хижине. Люди эти были суеверны и глупы. Он бы с радостью вместо болтовни о том, кто с кем спит и кто что варил, слушал музыку, но, готовясь к полёту, оставил микробудсы дома. Не подозревал тогда, в какой ситуации они бы пригодились.

Репсула умела и усыпить, и пробудить, а здесь Даллас не помещался на твёрдой лежанке целиком – ноги замерзали. Но больше всего мешали соседки. Если они не болтали, то храпели, а если не храпели, то кряхтя и охая поочерёдно поднимались по зову природы к ведру, что стояло здесь же. Иногда будила и неудачно повернутая во сне нога. А если ночь проходила спокойно, то с первым светом женщины просыпались и, переговариваясь в полный голос, суетились у очага – совсем рядом с его тахтой.

Гуля с какой-то тоской глядела на Далласа, подавая еду. Теперь он мог кормить и обслуживать себя, поэтому отказывался от помощи. Ему было тяжело и неприятно не только с ней разговаривать, но и смотреть на неё. Он чувствовал себя преданным, хоть и понимал, что это глупо. По сути, эта девушка ничего ему не должна, между ними ничего не было, кроме, разве что симпатии. Похоже, Даллас не так истолковал знаки внимания с её стороны, раз она в отношениях с другим мужчиной. Но он не понимал, почему так часто ловит её грустный взгляд, а по ночам слышит, как она хлопает из своего угла. Впрочем, это вполне объяснялось тоской по хамоватому шахтёру.

Мысли нависали над Далласом, как и серые облака, плотной пеленой затянувшие небо. Когда он, опираясь на костыли, выходил наружу, не случилось ни единого солнечного дня. Даже непонятно в какой части неба находится светило. Всё выглядело серым, мрачным, тусклым и унылым. Хотелось лежать, уставившись в стену, и не думать ни о чём. Так он и делал чаще всего. Хорошо, что его никто не трогал. Его навещал только Старый, но Даллас притворился спящим, пока тот не уходил.

В одну из ночей все женщины ушли из хижины. Без их монотонных разговоров было бы легче уснуть, но снаружи доносился женский крик. Он прерывался, казалось, только чтобы грудь набрала новую порцию воздуха, выпуская его обратно истошным воплем боли и страдания. Даллас лежал и слушал, не имея другого выбора. Возможно, это местный ритуал, включающий в себя отрезание конечностей – такой крик больше ничем не объяснить. Если так, то он не в силах что-то сделать. Ни к чему влезать в чужой уклад. Его представления о жизни радикально отличались от местных обычаев.

Но крики не утихали. Спустя полчаса Даллас отчаялся уснуть и подумал, что кто-то получил травму. Наверное, этой женщине требуется помощь. Но все остальные, должно быть, уже там. Да и Старый неплохо справлялся с переломами и вывихами, как Даллас убедился на себе. В конце концов любопытство пересилило все доводы, и, опираясь на жерди, Даллас заковылял к жилищу, из которого доносился шум.

Пока он дошёл и откинул полог, женщина перестала кричать, но раздался другой крик – тонкий и пронзительный. Существо, издающее эти звуки, покоилось на руках Старого. Он стоял на коленях над стонущей женщиной, раскинувшей голые ноги. Бабы заглядывали в тряпье, которым ведун в спешке укрывал ребёнка. Подошедшая поближе Гулёнка откинула край полотна и не сдержала вскрик. Она зажала рукой рот и в ужасе выбежала из палатки, чуть не сбив Далласа. Свесившаяся ткань обнажила огромную голову неправильной формы – по обеим сторонам лба выпирали бугры, а между ними образовалась вмятина. Глаза глубоко запали в череп, а огромный рот источал пронзительный вопль. Если так и выглядят новорождённые, то это ужасно.

В хижине затихли все, кроме надрывно пищущего младенца. Женщины с сочувствием поглядывали на распластанную стонущую мать, закатившую глаза в полубреду. Старый принялся выгонять их, чтобы не мешались под ногами. Даллас всё ещё стоял на пороге и пытался понять в чём дело. Вдруг роженица пришла в себя, с трудом подняла голову и обратилась к ведуну:

– Где лялька моя? Дай ево мне!

Старый открыл флакончик и сунул ей под нос, приговаривая:

– Нет ляльки. Жабудь. Шпи, шпи...

Женщина, подёрнутыми пеленой глазами, поймала взгляд Далласа и сказала, обращаясь уже к нему:

– Пожалей, бох... Не замай мою ляльку... Пожалей, бох...

– Я не бог, – сказал он и пошёл к своей хижине.

На следующий день соседки Далласа ходили как в воду опущенные. Не слышалось привычной болтовни о пустяках, переругиваний или пересмешек. Гуля не пыталась проявить

назойливую заботу и не бросала долгих тяжёлых взглядов в сторону Далласа. Она обратилась к нему лишь однажды, когда принесла миску супа.

На этот раз похлёбка оказалась на редкость вкусной. Похоже, в рецепт входило мясо, но... женщины не закалывали козу. Все прошлые запасы уничтожили мужчины, а новым неоткуда взяться. Чувствуя, как сводит живот, Даллас уже хотел выяснять у Гули из чего этот суп, но одна из женщин, допивая бульон, обронила фразу:

– Тааа, жаль, чё лялька уродец вышел, но хыть кусный, пузо-то набить...

Даллас вывернуло наизнанку прямо на пол. Его передёргивало от отвращения и снова сгибало пополам под удивлённые и испуганные взгляды женщин. Когда отпустило, схватил костыли и поспешил к выходу на улицу, отстранив подскочившую Гулю. Он направился к ручью, который ледяной струйкой стекал в расщелине скалы.

Проглотив как можно больше воды, Даллас вспомнил, что недавно попало в желудок, и его снова вырвало. После этого он отмывал руки, рот, лицо, но всё казалось, что на нём осталась жирная плёнка.

Наконец, когда руки заоченели, а балахон промок насквозь, Даллас сел на камень и задумался. К чёрту всё это первобытное общество и этих людей с их порядками и обычаями! Так жить нельзя! Грязные каннибалы, и его втянули в это! Надо выбираться отсюда как можно скорее! Нужно найти способ вернуться на Орион!

Даллас постарался не думать о съеденном супе и сосредоточился на том, как найти путь домой. Он огляделся вокруг.

Поселение находилось на склоне горы, а её вершина терялась в облаках. Небесный город хоть и держится на платформе с газовыми отсеками, но для фиксации на месте, возможно, связан со скалой – тросы или что-то наподобие. Даллас по привычке полез в смартлет уточнить эту информацию, но вспомнил, что без подключения к сети других гаджетов, данные он не получит.

Даже когда нога восстановится и Даллас взберётся на вершину скалы, не ясно, что делать дальше. Карабкаться по тросам – неосуществимая задача, если они вообще существуют. Проектируй город Даллас, он бы удержал его на месте стабилизационными турбинами.

Не приходили в голову и идеи как подать сигнал о помощи. Кто под слоем облаков его заметит, куда направлять, как осуществить – на эти вопросы не было ответов.

Глядя в пропасть, куда падала вода из ручья, бесшумно разбиваясь на капли далеко внизу, Даллас подумал, что страдания прекратятся прямо сейчас, если он отправится вслед за стекающей водой. Но потом вспомнил полёт сквозь пелену облаков, ужасающее приближение скал, и этот вариант отпал сам собой.

– Да-лас, ты как, живой? – поспешно ковыляя, приближался Старый, из-за его спины выглядывала взволнованная Гулёнка.

Ведун подоспел весьма кстати, к нему возник вопрос. Вместе с Далласом рухнули на скалу и его крылья. Их можно починить. Реактивные двигатели без топлива бесполезны, но, чтобы оказаться в воздухе, достаточно прыгнуть со скалы, а затем с помощью сервомоторов по спирали подняться ввысь до самого города.

– Старый, ты находил мои крылья, когда я упал? На мне были механизмы, моторы. Где это всё?

Старичок убедился, что здоровье Далласа в порядке и переспросил. Он шевелил губами и чесал бритый затылок, разбирая незнакомые слова. После нескольких пояснений он сказал:

– Щё-та кругом было, я взял кой-щё. Шудные штуки, не жнам начё они надо.

– Пойдём, покажешь, что ты взял, – Даллас решительно опёрся на костыли.

Хижина Старого стояла на отшибе, примыкая к скале. Рукотворное углубление закрыли стеной из сырой глины – вот и вся постройка. Но и это куда добротнее, чем палатки остальных. Жил ведун один. Он завесил всю пещеру амулетами и грубо связанными куклами. Приходи-

лось выбирать, куда поставить ногу, чтобы не наступить на разбросанный хлам. Аккуратнее всего здесь смотрелись вырезанные в стене полки, заставленные каменными и деревянными фигурками. Даллас долго рассматривал ровные ряды многочисленных резных божков. Одни изящные, с мелкими деталями, другие лишь отдалённо напоминали формы человека.

Старый копался в завалах барахла и в итоге разложил перед Далласом хорошо знакомые механизмы. От «Икара» мало что осталось – лишь части корпуса, разломанные сервомоторы и кусок пластикового крыла.

– Мне нужны другие детали. Давай сходим туда, где ты меня нашёл, – Даллас надеялся, что нога не помешает забраться на гору.

– Чую, хошь ты от нас ути к швоим вназат? Ну щё, я те не указ. Шведу, раз хошь, щё. Но ты шперва кажи: чем мы плохи? Иль не так за тобой ходили? Ишь Гулька мокрит тут, – Старый тронул за плечо девушку, которая, осознав к чему идёт дело, начала шмыгать носом и тереть глаза.

– Я понять не могу, чего она от меня хочет, если с ней спит другой? – довольно резко, не глядя на девушку, сказал Даллас.

– А чё хоть ты не лёх со мной? – в сердцах вскрикнула Гулёнка и выбежала вон.

– Видать, ты не жнам ваще как мы тута жизнь поживам, – усмехнулся Старый беззубым ртом. – Ешлив баба лежит одна, ешлив она не лялька и ляльку не ждёт, и ешлив не помер родич её, то мужик, хто хочет, лежит с ней. Хто шперва лёх, тот шпит, хто другой ждёт, ешлив тот удёт, иль ищет другу бабу.

Вот оно как. Кто успел, тот и молодец. Плевать на чувства, романтику. Да и от ссор такие правила вряд ли избавляли.

– В любом случае мне здесь не место. Я не могу жить как вы, не могу есть человечину, – Даллас пытался оставаться спокойным, объясняя Старому очевидные вещи.

– Щё жизнь така, так щё ты думаешь, мы так хочем? Лишь с голодухи не помёрнуть. День-жа-день бабы исть ищат, мужики копать ходят, не то бохи яднй туман нашлют, померут все, хто есь, – в голосе Старого чувствовалась горечь. Он подошёл к нише с фигурками, оглядел их с тоской. – Деды наши как живы штались – не жнам, бохи жалели, мож. Мног-много племенов дедов шхибли. Та и нас мал-мало терь. Напали хады в ту жиму, чуть выбились. Ишь, мал им наш дар, усех коз им дай. Ток подмогли нам други-шошеди. Терь с ними жимню жизнь жавели. Так хто шгибнул, тех исть штали. Коз мал-мало, голодуха. А та лялька всё рно б шёня-жавтра уйшла к дедам. А так, ишь, живы жа ней. Ты б помох шуток, кажи, как боли лещить, да де поисть ишкать, пока не уйшёл, ты ж бох, мног-много знаш. А дальш мы как-то шами.

Даллас задумался. Судя по рассказу ведуна, этим людям приходилось несладко. Но то, как они выживают, человеку из Ориона кажется диким. Возможно, у них просто нет выбора. В других условиях они бы стали культурнее, жили иначе. Этим людям просто нужна помощь. Им необходимо продовольствие, лекарства, знания. Всё это есть на Орионе. Найдутся там и неравнодушные люди, которые помогут. Как ни посмотреть, Далласу необходимо попасть обратно или вызвать помощь. И он придумает, как это сделать.

Глава 5

Даллас шёл по снегу за Старым, опираясь на палку и осторожно ступая на больную ногу. Ведун не спешил. По пути он то и дело рассказывал истории, дожидаясь, пока его хромой спутник преодолет подъём. Снег лежал намного выше, когда Старый нашёл его, распластанного в сугробе. Сам он пошёл тогда в горы за травами и кореньями, которые не доверял собирать никому.

Старый рассказывал, что, когда был моложе, поднялся на вершину горы – выше облаков. Там он увидел первого бога и тот ослепил его за дерзость – недостойный человек взобрался, чтобы узреть непостижимое. Но к счастью, бог сжалился и вернул бедняге зрение, услышав заверения, что смертный не желает стать небожителем ровней. А когда этот бог ушёл, один за другим проснулись деды – их глаза светились во тьме, подмигивали, а иногда роняли слезу, оплакивая жизнь потомков. Все люди когда-то были богами, но за поступки их низвергли на землю. И только после смерти позволено вернуться на небо.

Молодой ведун не спал всю ночь, любясь мерцающими глазами дедов, да подбрасывая топливо в огонь, чтобы согреться. И он увидел, как на небо пришёл ещё один бог – его лицо светилось так ярко, что снег вокруг заискрился и стал синим. Старый понял, что это главный бог ночи. Он обратился к нему, попросив разрешения врачевать народ своего племени, заглядывать в прошлое и будущее, молить о ранней весне и поздней зиме. Бог оставался молчаливым, но Старый заметил улыбку и понял, что хоть и недостойны смертные божественных слов, но просьба его услышана и принята.

Старый, которого, похоже, и в годы молодости, называли именно так, дождался, пока небожители уйдут – бог ночи за горы, а деды уснут, закрыв глаза. Небо окрасилось розовым, и он увидел дом богов – большое блюдо, висящее вдалеке. Знать, все они спали именно там, пока главный бог дня бродил по небу.

К утру у Старого закончились дрова, он покинул вершину и спустился в сумрачный мир – отбывать наказание, возложенное на предков. Кроме того, он уже получил одобрение заниматься ведунством. Оставалось надеяться, что когда-нибудь боги сжалятся над людьми и позволят, не дожидаясь смерти, жить на небесном блюде, а ночами взирать блестящими глазами на горы и облака.

Даллас глядел наверх, куда указывал Старый и обдумывал эту историю. Забавно, что дикарь, живущий под беспросветным облачным покровом, видел луну и звёзды, а обитатель «небесного блюда» не мог похвастаться тем же. Искусственные созвездия и проекцию луны в расчёт можно не брать. Он и солнце-то по-настоящему видел только мельком один раз. И оно тоже ослепило его – похоже на наказание за дерзость и попытку оказаться наравне с ним, если бы Даллас верил в такие вещи.

После нескольких часов пути Старый нашёл место крушения. Ложбину среди скал всю занесло слоем снега, но кусок пластикового крыла торчал, зацепившись за низкорослые деревья. Пробравшись к нему, Даллас осмотрел край обломка. Деталь сервопривода осталась на другой части крыла, скрытой под белым покровом.

Снег вокруг был чист и нетронут. Захотелось оставить на нём следы, испортив это белое полотно, расстеленное природой. Палкой, крылом, здоровой ногой, Даллас разрывал снег вокруг себя, надеясь обнаружить детали сервопривода. Но это оказалось бесполезной затеей. Старый не помогал – он сел на обломок скалы и пожаловался, что в темноте дойти домой будет очень трудно. Его доводы не лишены логики, но всё-таки не хотелось потерять шанс вернуться к прежней жизни, поэтому Даллас упорно копал снег.

Старый всё не унимался. Пытаясь зайти с разных сторон, мягко уговаривал прекратить поиски и спускаться. Он напомнил об ужине, и Даллас, ничего не евший после того ужасного

супа вчера утром, ощутил предательскую пустоту в желудке. Согрев во рту немного снега, он посмотрел вокруг ещё раз и понял, что действительно пора спускаться.

Они прибыли в деревню, когда почти стемнело. Женщины уже приготовили ужин – на сей раз что-то вроде рагу из неизвестных Далласу овощей, но, к счастью, без подозрительного мяса. После ужина, как это часто бывало ранее, Старый собрал детвору вокруг костра в центре площадки, окружённой хижинами. Он рассказывал им истории о богах и предках, которых они называли дедами. На этот раз Даллас присоединился к ним и подсел к костру, устраивая поудобнее ноющую после прогулки ногу. Детишки недоверчиво поглядывали на нового члена племени, некоторые показывали на него пальцем и что-то шептали на ухо друзьям. Но в конце концов, они увлеклись историей ведуна и напрочь забыли, что среди них чужой.

– Кажи нам, Старый, кажи ещё про железова боха! – просили дети новую историю.

– Ну, ладно-ладно, школь уж раз ту кажку казал, та всё вам мало, – в шутку сердился Старый. – Жила как-то баба, а в пузе ейном был бох, что всех людей должен на войну вести, када большой мужик штанет. А жлые бохи шлали мужика, шоб её к дедам уйти прям с лялькой в пузе. Мужик тот был вродь как мужик, а нутром железовой. И найшёл он ету бабу, а она бежать. И из бабахи в его палить, та ему ништо – знать железовой. Тока увидал он красу бабю, та силу еёшнюю, так и грит: «Ты, баба, не боись, я должен тя убить, всё ж вижу, как ты краса, да шмела. Жнать твоя лялька буит правда нас воевать да нападать. Но мне моё племя не мило, а ты мила, так я те помогу, штоб мужик из водного железа вас не жнашёл».

– На самом деле помогал ей другой киборг... железный мужик, а первого она раздавила, – вмешался Даллас, вспомнив классический боевик конца двадцатого века.

С одобрения Старого он, как мог, пересказал сюжеты засмотренных до дыр классических тридэшек. Он старался упрощать слова, чтобы дети его понимали, а они слушали, открыв рот. А когда история закончилась, попросили ещё. Он вспомнил другие сюжеты маскультуры, адаптируя их под местную реальность. Ведун тоже слушал с интересом и вниманием, иногда посмеиваясь, узнавая повороты историй.

Так они сидели, пока матери не загнали детей в жилища. Отправился к себе и Даллас, пожелав спокойной ночи Старому. Но, лёжа в хижине, он всё думал, как найти путь к «небесному блюду». Мысли путались, повторялись, мозг подкидывал совершенный бред, связанный с сюжетами тридэшек, и в итоге Даллас не заметил, как уснул.

Голова продолжает работать и во сне, переваривая заложенную информацию, раскладывает её по полочкам и ищет решения. Даллас проснулся с мыслью, что, если шахтёры добывают руду для нужд небесного города, значит, её туда каким-то способом переправляют. Осталось только выяснить – возможно ли вместе с рудой переправить и выпавшего из привычной среды горожанина.

Старый не объяснил, как доставляют минералы на Орион. Говорил, что это «бохово колдунство», а как оно устроено – «не по его котелку». Через два дня должны прийти мужчины, нужно напроситься с ними в шахту. Кроме того, что это способ вернуться, интересно взглянуть, что же случилось с роботами-добытчиками. Ведь это их задача снабжать город, а вовсе не этой малочисленной горстки голодающих людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.